

ВЛАДИМИР БОЛОХОВ

ФУТБОЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

*Живой легенде отечественного футбола Никите Павловичу Симоняну
с неизбывной спартаковско-болельщицкой нежностью посвящаю.*

*Разберёмся во всём, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.*

Сергей Есенин

Ритуальная телевечерняя новостная программа воспринималась вполуха. Как и её заключительный спортивный блок. Поскольку небезынтересной для меня футбольной информации не предполагалось. И вдруг... Как футбольная подсечка сзади, бесстрастно-вышколенный голос теледиктора швырнул меня в ознобно-обморочный вакуум: "...скончался известный футболист... Эдуард Стрельцов..." То есть прозвенел последний звонок жизненных сроков для человека, с которым довелось в одной ГУЛагзоне не только одинаковую баланду – и уж точно не одним лаптем – хлебать...

Автоматически-инертно выдвинул ящик письменного стола. С отрешённо-вялой уверенностью, на ощупь, вытянул папку с черновой рукописью (с прикидочным названием "Клетчатые арабески"), издание которой вроде бы забрезжило, как и всюю замаячившая над страной эпоха "перестроечной" гласности. Одна из последних арабесок была именно о шапочно-лагерном моём знакомце – Эдуарде Стрельцове. Широко известном в Отечестве ещё "на заре" спортивной своей юности: ведь его дебют в футбольной сборной СССР состоялся, когда ему и восемнадцати не исполнилось...

Закономерные случайности известных (как подметил, разумеется, не я) "странных сближений"? Да кто же их знает. Впрочем, как зарифмовалось у меня многое позднее: "Всё течёт: // хула, почёт, // мысли и желудки, // и не так уж страшен чёрт, // как его малютки..."

* * *

Начну без оговорок. Ибо мне малоинтересны всякие там версии, домыслы и слухи о том, как – в деталях – загремел на двенадцатилетнюю тюремно-лагерную отсидку (и случайно ли – прямо в преддверии чемпионата мира?) "русский футбольный танк", как его вроде бы величали и забугорные футбольные виртуозы. Расейская же болельщицкая рать – от Москвы до Колымских окраин – окрестила его просто и со вкусом: Стрельцом. И ведь точнее и метче вряд ли можно было кликуху подобрать. И как тут снова и снова не вспомнить неподражаемого и насущного для меня Николая Васильевича Гоголя, гениально

подметившего, что уж если припечатает русский человек ближнего своего подходяще-характерным словом, то не отлипнет от того данное прозванице на “всю оставшуюся жизнь”.

И всё-таки лично мне Стрелец представлялся ещё и этаким забубённо-бесшабашным футбольным... Есениным (к тому ж и ликом своим он неуловимо-явно смахивал на него – моего, кстати, поэтического вожатого), а не каким-то там “белым Пеле”, каковым позднее наперегонки принялись короновать да славить Эдуарда в газетных разлюли-малинных захлёбах падкие до штампованных “красивостей” всевозможные спортивные и околоспортивные доброхоты. А нередко тискали и вовсе несусветную абракадабру! Или, как сказал бы опять же незабвенно-гоголевский Тарас Бульба: “Ка зна що!” (чёрт знает что, то есть). Ну, например, что, мол, Стрелец в ГУЛаговско-футбольных ристалищах обыгрывал в одиночку целую команду соперников. И это, как говорится, ещё куда ни шло. Обычная байка из разряда “одним махом семерых побивахом”. Так нет же! Впаривали многомиллионным читателям ни в какие ворота не лезущую ахинею, к примеру, что, мол, из-за отсутствия настоящего футбольного мяча (а таковой у него имелся, и не в одном экземпляре) упечённый в тюрюгу футбольный “чистодел” смастерил подобие мячишки из... двух зёковских ватников (!), скручивая их проволокой (уж не той ли, которая получается при скрещении ужа с ежом?). И вот таким-то чудо-юдо-самопальным “кругляшом” с расстоянием в тридцать шагов (чего уж там мелочиться с каким-то одиннадцатиметровым пенальти!) сломал якобы Эдуард аж ключицу дерзнувшему встать в воротах, а затем, разумеется, оказавшемуся в санчасти. И это ещё семечки. Под стрельцовскую “пушку” – на какой-то там спор – якобы подставлялся аж немелкий лагерный чин... с пустой (как, наверное, и сам её “пьедалстал”) кастрюлей на голове, которую без промаха брался сшибить вышеозначенным “снарядом” новоявленный Вильгельм Телль. Начальник предсказуемо проигрывал пари, отделавшись “лёгким испугом” от бушлатно-проволочного снаряда, “просвистевшего в миллиметрах” от власти имущей физиономии. И ведь не по злой любви или худому умыслу весь этот щелкопёрный вздор наворачивался. Да ничего, видно, не поделаешь. Похоже, испокон веку у нас так: между самозванно-самодовольным самобахвальством, барабанно-псевдопатриотическим задором и одновременным самозабвенно-холопским самоуничижением перед любой рекламной наживкой забугорно-штампованной невидали порой и волосяного зазора не сыщешь.

Впрочем, не об этом шуме у нас гам. И всё же, прежде чем вплотную подступиться к экзотически-клетчатому моему сюжетцу, самой исшрамленной шкурой чую необходимость (тем паче для рождённых на руинах фанфарно-застольного так называемого “застоя”) хотя бы пунктирно-анкетной автобиографической “грамотки”.

Итак, Эдуард Анатольевич Стрельцов. Родился в Москве. Восемьдесят годков назад. В июне не к ночи будь помянутого 1937-го. Лучший центральный нападающий 1950–1960-х годов минувшего столетия. Заслуженный мастер спорта. Провёл около сорока игр за сборную клубов Советского Союза. Забил 29 голов в официально-международных встречах. Чемпион страны (1965). Неоднократно признавался (и после заключения тоже) лучшим футболистом державы. Повесив “бутсы на гвоздь”, успел поработать тренером юношеской команды родного клуба. Умер в июле 1990 года. Кстати, спустя всего несколько месяцев после смерти всемирно известного, легендарного вратаря футбольной нашей сборной Льва Яшина...

И тут мне просто не представляется возможным притормозить, дабы засветить перед неспрадно заинтересованным читателем свой стихотворный лагерный опус. Именно о нём. О Льве Яшине. Точнее, о конкретно-реальном эпизоде из его футбольной биографии. Подтверждением тому – уже само название стихотворения.

ВРАТАРЬ

*Был слабым — издали — удар,
но неожиданным и метким.
Зевнул-замешкался вратарь,
и мяч затрепыхался в сетке.*

*И не сирен сверлящий стон
вспорол округу жутким свистом —
глумился гневный стадион
над знаменитым футболистом.*

*Он, кто с пенальти брал мячи,
перчатки закусив в обиде,
лежал, себя возненавидев,
и бутсой по траве сучил.*

*Но встал. И форварду подал
ладонь — перчатку сняв — с поклоном.
И над притихшим стадионом
аплодисментов ахнул шквал...*

Сдаётся, немудрено догадаться, кто был этим самым фартовым форвардом. Конечно же, он, Стрелец (“Динамо” играло с “Торпедо”). Иначе зачем бы тогда и огород городить...

В день похорон Эдуарда “Комсомольская правда” обнародовала о нём развёрнутый некролог, подписанный... моей фамилией. Так уж “звёзды” сошлись. Ибо 20 апреля того же года проснулся я “знаменитым” на всю “перестроечную” СССРию: 18-миллионнотиражная эта газета опубликовала чуть ли не полосный очерк — обо мне, грешном. Да ещё и с приварком стихотворной подборки, не слишком “вегетарианской” по тем “малоскоромным” временам. В мае эта же газета явила свету уже и мой очеркишко о некогда знаменитейшем советском киноартисте Борисе Андрееве. Суть — о его гостевании в Тульской промколонии, где мне, ещё “малолеткой”, довелось тянуть резину далеко не детского срока (к слову сказать, упоминалось там и о таких сопровождавших Бориса Фёдоровича немалых киновеличинах, как Зоя Фёдорова, Пётр Глебов и Вячеслав Тихонов). А в июле удостоился я почётной, да малорадостной чести помянуть Эдуарда — надиктованным по телефону — расширенным некрологом, а точнее, мемуарной заметкой о ГУЛаговском моём пересечении с безвременно погасшей звездой мирового футбола...

Заканчивая предпосылочную “опись” предтюремных жизненных вех героя сей футбольно-прозаической элегии, невозможно не вспомнить и о том, что в 1956 году на всемирной Олимпиаде в Мельбурне Эдуард — бесспорно лучший нападающий нашей сборной — почему-то оказался не выпущенным на футбольное поле именно — и только! — в финальной игре. Золотые медали, завоёванные тогда нашими футболистами, вручались почему-то (!) только участникам именно этого заключительного матча. И вместо Стрельцова “золота” удостоился — заменивший нашего основного голеадора Никита Симонян. И, разумеется, нельзя не восхититься безраздумно-реактивным поступком выдающегося “спартаковца”, не мешкая протянувшего награду Стрельцу, считая достойным её именно и только Эдуарда. Но принять несомненно заслуженное тот наотрез отказался. Мол, я молодой, у меня ещё всё впереди...

Воистину никто не знает своей судьбы...

Спустя десяток лет, уже выйдя из заключения и вновь добившись всеосознано-болельщицкого признания, Эдик, вне всяких сомнений, должен был оказаться в нашей сборной и поехать на самый удачный для нас чемпионат мира в Англии. Тогда в первый и, увы, в последний раз наша команда завоевала бронзовые медали. Да спасовало высокое футбольное начальство включить Стрельца в состав команды, ибо — по понятиям тогдашних номенклатурных кукловодов — знаменитейший наш центрфорвард считался “невыездным”...

Для меня же, конечно, тогда ещё “ни разу не болельщика”, повесомее будет одна-единственная стрельцовская игра, состоявшаяся на клетчато-лотерейном пересечении ГУЛаговских наших стёжек-дорожек. Ведь загрели мы на “кичу”, считай, в одно и то же времечко. Пока меня как несовершеннолетнего болтало по малолетним кутузкам да смешанным зонам, Эдуард успел понюхать “овчинку” не столь отдалённых вятско-лесоповальных “дыр” заключения. И уже с уменьшенным сроком наказания — “двенадцатилетку” скостили до хронологически плано-модной тогда “семилетки” — его этапировали, понятно, не без высоких ходатайств, поближе к окрестностям Первопрестольной.

И наши подконвойные тропы пересеклись на так называемой “сорок пятой” лагточке “самоварной” губернии. Пересеклись ненадолго — я там оказался “транзитом”, следуя в зону более перспективного перевоспитания, а проще — в лагерь строгого режима...

Эдуарда можно было считать уже и старожилом вышеупомянутого лагпункта, на котором он жил-был, держась явно наособицу. Но не то чтобы гордынно-отчуждённо, а просто откровенно независимо. Не заигрывая ни с начальством зоны, ни с её приклатнённо-лагерным “кублом”. И как тут опять же не вспомнить эпатажную чепуху таблоидных кликуш о том, что Стрельцов якобы отказался вступить в блатную партию “воров в законе”, которых, кстати, на том лагпункте и вовсе не существовало. Да и с какого такого перепугу настоящие блатары могли бы поступиться своими неписаными законами и заповедями, дабы партийно “породниться” с каким-то московским фраером, будь тот знаменитее хотя бы и самого генерально-кремлёвского первача? Фраер, он и на близуликовском “хutore” фраер. Зона-то находилась неподалёку от легендарного Куликова поля. Тут и впрямь — не в бровь, а в глаз! — уместно вспомнить клетчато-зубоскальный парафраз плакатно-ленинского афоризма: “Коммунизм есть советская власть плюс ГУЛгаизация всей страны...”

Понятно, что Стрелец и за “колючкой” знал себе цену. И, разумеется, был притчей во языцех как запроволочного населения, так и вохровско-зазаборного поселения, где проживала лагерная администрация, которая явно благоволила к знаменитому зэку, а точнее, к его “одной, но пламенной страсти” — к футболу. При всей своей незлобивой обособленности малым он выглядел простецким, без “интеллигентского” выпендрёжа. Ведь в ту пору закатно-оттепельного “кукурузного” волонтаризма на не столь отдалённых задворках родины оказывалось немало отпрысков самой влиятельной советской знати, чьи чванливо-сопливые амбиции окорачивались сразу и неукоснительно. Тем паче так называемыми “шустряками на катушках”. Приведу лишь один пример. Слюняво-зазнайские потуги сынка тогдашнего министра внутренних дел Молдавии генерала Цвигуна (впоследствии заместителя самого Андропова) при первом же удобном случае уgomонили безотлагательно, надев на его клинообразную черепушку трёхлитровую стеклянную банку с водой. Санчасти не потребовалось. Осколки посудыны с откоцанным дном удалили со знанием дела: ударом табуретки по тому же месту...

К независимости Стрельца относились со снисходительным пониманием. Правда, иногда иной гражданин-начальничек из надзирателей заерепенится да попытается поизгаляться по мере отпущенной ему власти, но, помнится, дальше многозатной “матушки” обычно дело не заходило. И, в общем, тукал Эдик себе да тукал по футбольному мячу — “от пуза”. То есть, по местному присловью, от утренней горбушки до вечерней болтушки...

Тот стишок про вратаря я ему, конечно, засветил. Он — от уха до уха — заулыбался, небрежно бросив, был, мол, такой случай... Ясное дело, листок со стихом я ему презентовал, а уж как он им распорядился, того мне знать не дано. Вскорости спецэтап развёл наше пересечение навсегда. Но как раз перед ним и состоялась та знаменитая запроволочно-футбольная игра, ради которой и затеялся этот, по сути своей, элегически-патриотический мемуар. Да ещё и такой своевременный в самом-то преддверии такого исторического для России события, как предстоящий этим летом чемпионат мира по футболу — впервые на её спортивных просторах!..

Но вернёмся к нашему сказу о несказочном нашем Стрельце-удальце. Зекам (и не только им) давненько не терпелось убедиться воочию и в “натуре”, каков же в своей расславленной “блажи” этот самый футбольный “шулерок”, о виртуозном мастерстве которого большинство и понаслышке не ведало.

И настал день. И отрядили Стрельца в заранее и специально “заершённую” команду, игроки которой если и общались на свободе с футбольным мячом, то разве что в слепохмельных снах кошмарных. Противоборствующую бригаду “ух” подобрали из “чистоделов”, выдавших если не футбольные, то уж тюремно-лагерные виды — точно. Короче, Эдику предстояла проверка на “вшивость”, потому как заключённая шатия-братия “заподлицо” соответствует известному русскому присловью: “не пощупаю — не поверю”.

И вот — началась игра.

В своей команде — заведомых слабаков или “гонящих дурочку” под них — Эдуард бегал с мячом или за мячом, по сути, в гордом одиночестве.

Остальные же “соратнички” шастали по пустырю (без единой травинки) ослабленно-неторопливым пешочком и чаще всего от мяча в сторону противоположную. У соперников же подсобрались ещё те безбашенные амбалы, которые, понятное дело, церемониться со знаменитостью столичного розлива не собирались. А судья-то, разумеется, свой в доску: засвистит, если только ему по уху, да не единый раз свистнут. Эдик “выклевал” обстановочку сразу. Поначалу он и сам трусил по шлаковому “газону” с этакой усмешливой виноватцей и малоскрываемой ленцей. А в “штрафную” противника и вообще неохотно-редко заглядывал. И всё равно его то и дело откровенно целились “подковать” или взять в “коробочку” сразу чуть ли не полкомандой супротивников. К концу первого тайма в ворота его хиломощной дружины накидали чуть ли не десяток “сухих” голов. Без малого тысячегорлая орда босоголовых “болельщиков” безостановочно и глумливо свирстела и матерно ёрничала над недавней “звездой” всепланетарного футбола.

Наконец, терпенье и у Эдика перетёрлось. И узрели видящие то, что и вождели увидели. Футбольный “танк” попёр, что называется, в дурь. На него кидалась чуть не вся двадцатиножная орава соперников (не считая вратаря, норовившего вцепиться зубами в самое малопозволительное место), а рассерженный мастер, знай, таранно разваливал да распарывал виртуозно-непредсказуемыми финтами противостоящую рать осатаневших от безнаказанности костоломов.

И забивал! И забивал!..

К концу второго тайма вся зона редела и рычала одно слово: “Стре-лец!!! Стре-лец!!!”

Позднее выяснилось, что за забором — в посёлке вольняшек — подумали, что зона взбунтовалась. В результате чего начался панический переполох. Потом, уже после окончания матча, все просто рыдали от истерического смеха: и сама вохра, и пожарные, поднятые с перепугу по сиренной тревоге, и, естественно, сами ГУЛагпоселяне, которым только дай повод беспричинно погоготать, да ещё и на сытое брюхо. Сами зеки впоследствии на полном серьёзе утверждали, что захлёбно скалились от смеха и сторожевые цепные овчарки, охранявшие за забором контрольно-следовую полосу. А Эдика после финального свистка наконец-то проснувшегося “судьи” качала на руках опупевшая от восторга босоголовая болельщицкая братва...

Уже на другой лагточке спроворилось у меня нижеследующее “твореньице”:

ФУТБОЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

*Глоток свободы в лагере — футбол:
под гипнотический Синявского Вадима
мажнитный голос, возвещавший: “Го-о-ол!” —
и вслед за тем: “Не беспокойтесь... мимо...”
Мяча замысловатейший полёт
был визуален в радиорассказе...
А тут воочью — “танк” стрельцовский прёт,
и не один я прыгаю в экстазе...
Что? Не в бутылку ж лезу, а на стол...
При чём тут детство?.. Бей же, Эдик! Го-о-ол!..*

* * *

Немерено водички, да и водочки утекло после того экзотическо-ГУЛаговского футбольного сражения. Давно за незримой чертой и те приснопамятные денёчки, когда “свобода // Встречала радостно у входа” того, кому по праву полагался не меч, но мяч золотой как лучшему в те поры футбольному снайперу. И пусть многое “не сладилось, пусть не сбылось”, как грезилось ему под небушком в “арифметику”. Главное, не сломался человек. Вновь покорила кровопотную высоту всеболельщицкого признания футбольной России. И пусть его предавали, казалось бы, лучшие друзья. Пусть даже выперли из родной команды “Торпедо”, чей стадион ныне носит имя Эдуарда Стрельцова.

А у входа к нему высится памятник Мастеру. А с 1997 года лучшему форварду страны вручается престижная премия под названием “Стрелец”...

И – “эврика!”? Ведь говорилось уже, что в нынешнем годочке маловысокобюджетной России предстоит стать “хозяйкой” чемпионата мира по футболу. Такое, думается, Эдику и в самых распрекрасных снах не мерещилось! Уже и талисман предстоящего действия чуть ли не на всенародном референдуме утверждён: мультяшный такой волк. Ну, волк так волк. Главное, чтобы он фольклорно-тамбовским товарищем для нашей сборной не оказался. Но вот имечко популярному зверю подобрали, на мой салтык, какое-то паточно-пошловатое: Забивака! Но ещё не поздно наречь его тем же именем Стрельца всея футбольной Руси. А?! На всякий-який столблю своё предложеньице на слуху самого высокого спортивно-агитпропного начальства. Негусто сомневаюсь в том, что поддержит меня и вся неисчислимая футбольно-болельщицкая расейская рать. Иначе зачем же тогда она, наипервейшая футбольная премия, именем Стрельца прозывается?..